

ТРОИЦКИЙ ВЕЩЕСТНИК

Приходской листок
Троицкого архиерейского собора г. Сумы
№17 (от 2 ноября 2014 года)

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Евлогия,
архиепископа Сумского и Ахтырского

Тема номера: **ЖИЗНЬ В ЦЕРКВИ**

Владыка просит заходить без доклада...

Пройдя мимо удивленного швейцара, владыка легкой походкой поднялся по широким ступеням лестницы архиерейского дома и направился прямо в кабинет. Быстро сбросив с себя верхнюю одежду и оставшись в одном подряснике, он бодро сел за письменный стол.

Но тут бодрость покинула владыку. Руки его вдруг упали бессильно на мягкие ручки кресла, брови сдвинулись, глаза погасли, лицо устало осунулось. Но это не от бессонной ночи. Таковых ночей в жизни владыки бывало много. Они проходили бесследно.

Владыка задумался о результатах своей ревизии.

— Везде все одно и то же, все одно и то же: что в одной епархии, то и в другой, и в третьей, — мысленно повторил владыка, разбираясь в полученных от ревизии впечатлениях. — Вот только отец Герасим — крупное и резкое исключение. Этот священник, назвавшийся атеистом, в сущности, гигант христианского духа, сраженный не горой, а соломинкой, нашим однобоким уродом, нынешним богословием, вырвавшим из-под его ног почву. Теперь он встал на ноги... толчок дан. Дальше он пойдет сам. Он явит людям христианина, если только сами же люди не испортят его. Народ натосковался за истинными пастырями и, если увидит его в лице отца Герасима, тотчас же назовет его святым, то есть исключит из своей среды, поставит над собой и поклонится ему, как это и сделал он уже с одним нашим пастырем, и там всему делу поставится точка. По-

ка хорошие люди между нами, нам все-таки совестно, в их присутствии мы чувствуем себя неловко; их облик налагает и на нас обязанность быть таковыми же. И мы, хотя и немножко, все-таки стараемся походить на них, подражать им. Но сделали хорошего человека «святым», и все дело пропало. Мы сразу сбрасываем с себя эту обязанность и заменяем ее поклонением. Святого — на пьедестал... под пьедестал моментально кружку — и все дело сводится к опусканию медных монеток в эту кружку. А в назидание народу издается «житие», где с особым старанием собираются наиболее необыкновенные события из жизни святого, наиболее поразительные чудеса, чтобы как можно выше поставить святого; сделать его как можно менее похожим на обыкновенных людей. И люди забывают благодаря этому, что святой был таким же, как они, а что, стало быть, при соблюдении известных условий, и каждый из них может быть таковым же, как он.

Удивительное, странное и непонятное совершилось с христианством. Вопреки ясным и точным уверениям Христа о том, что люди могут делать все, что захотят, что даже, если вздумают как бы для каприза или забавы проявить свою силу — переставить гору с одного места на другое, то и это могут сделать, — люди упорно долбят, что не могут. Противоречие между жизнью и Евангелием, прежде считавшееся за грех, теперь узаконено... Совершенно незаметно в догматику прокрался и прочно утвердился — негласно,

между строк — новый догмат, явно и упорно исповедуемый всеми без различия — догмат о недостижимости евангельского идеала. Недостижим идеал — и со спокойной совестью раскатывают в каретах мимо нищих и убогих преемники апостолов — наши епископы. Недостижим идеал — и можно, стало быть, не краснея, громко и раскатисто, когда требуется уставом, читать в церкви народу евангельскую заповедь — «не собирайте себе сокровищ на земле» — и в то же время прятать рубль за рублем в заветную кубышку.

Прежде за таковые противоречия между словом и делом народ гнал с кафедры своего епископа. Теперь же тут не видят ничего противоречивого и даже, когда слышат, что епископ совершает дела, за которые подлежит немедленному извержению из сана, и тогда спокойно мирятся с этим и продолжают принимать священников, поставляемых таковым епископом. Нужно ли удивляться после этого тому, что настоящий христианин стал величайшей редкостью. И не подозреваем мы, как успешно выполнен здесь адский план дьявола, задумавшего погубить христианство.

Силен враг христианства и хитер, но все же походит его хитрость на людскую... Когда пламя пожара забушует, стараются первым делом локализовать силу огня, и только неопытные сдуру полезут тушить. Опытные же пожарные, видя, что дом в огне, не тратят напрасно сил на его тушение, а моментально кидаются убирать подальше соседние строения и все то, чему может передаться огонь. Результат блестящий: дом, правда, сгорает, но зато остальное все в целости. Поступи пожарные наоборот — и выгорел бы весь квартал. Так же действует и дьявол: как только вспыхнет, загорится где-нибудь человек пламенем христианской веры, так скорее его куда-нибудь подальше от людей, в лес, в монастырь, в затвор, чтобы не передал своего огня другим людям, и только особо каждый раз сила Божия выводит его оттуда на «подвиг народный».

Странно, люди считают возможным все передать потомству: свое имущество, звание, положение, свои даже телесные и умственные качества, таланты. Относительно одного только сделано исключение: почему-то счи-

тается невозможной передача от предков потомкам святых качеств души и тела. Дело спасения людей законопатили в скорлупу личного «нравственного» совершенствования.

Нет опыта предшествующих поколений. Каждому приходится действовать в одиночку, и притом каждый раз начинать сначала. Благодаря этому нет опытных духовных руководителей. Священники? О, как не люблю я этих «исправных и аккуратных» батюшек, с гладко пригнанными к голове камилавками, с крестами и орденами за выслугу лет, строго придерживающихся точного исполнения всяких правил и инструкций. Это самые опасные враги христианства. Пастырство — это творчество. Нечего сказать: хороши были бы у нас произведения литературы, если бы все поэты и писатели вздумали строго придерживаться правил, выработанных теорией словесности. И по сей час писали бы все виршами. Истинное пастырство, как творчество, не подлежит регулированию никакими правилами. И право же, лучше иметь дело с такими, как отец Павел, нежели с этими «честными служаками»... Да, уж как бы не забыть: отца Павла обязательно принять в епархию. Это самый подходящий сотрудник отцу Герасиму. Они будут дополнять друг друга.

Мысли владыки опять перенеслись к отцу Герасиму.

— Теперь зависит от того, как закипит у него работа, — думал владыка, — но она будет вместе и моими первыми шагами на новом месте. Господи! Только не оставь нас Своим благословением!.. Скорей! Надо спешить. Так зажжем огонь христианства, покажем его людям и тогда будем о нем проповедовать... Только скорей бы... скорей. Нет, впрочем... торопливость может помешать успеху... Господи! Избавь от искушения — величайшего искушения, — в которое впали верные Твои слуги, книжники и фарисеи, распявшие Тебя из-за боязни, чтобы не погибла в народе вера в Бога, чтобы не нарушен был Закон Божий, данный чрез Моисея. Избавь от этого искушения — от боязни за Твое дело в мире. Как легко впасть в это искушение, как велик соблазн перейти от работника в положение охранителя, за-

тем управителя и, наконец, вообразить себя и хозяином. И тут уже вполне естественно будет всякого несогласного со своим мнением принимать за врага Божия и, в порыве святой ревности о Законе Божиим, распинать его... Боже, Боже! Не наша воля да будет, но Твоя... Только не оставь нас до конца... Спаси нас...

Владыка откинулся на спинку кресла, протянул ноги и, сложив на груди руки, опустил голову. Усталость взяла свое. Глаза закрылись, и через несколько минут звуки равномерного дыхания показали, что владыка погрузился в сон.

Через час, однако, омывши лицо и грудь свежей, холодной водой и прочитавши утреннее правило, владыка снова сел за письменный стол, намереваясь приняться за дела. Он взял оставленную на столе секретарем громадную пачку всевозможных бумаг, прошений, протоколов, журналов всяких заседаний, но, положив на некоторые из них резолюции, бросил перо и порывисто встал с кресла.

— Экое несчастье... облекли живое дело Христа в форму всяких протоколов, актов, журналов, а сатана и обрадовался. Завалил ими все канцелярии епископов, чтобы отвлечь их внимание от живого дела... и успел сделать это: епископам некогда совсем стало заниматься прямым делом. Но нет... Мы еще поборемся с ним именем Господа Иисуса Христа. Полежите-ка, родименькие, вот здесь.

Владыка сдвинул в сторону кипу бумаг и придавил их тяжелым пресс-папье.

— Ущербу большого от этого не будет... Ишь вон: извольте перечитывать следственное дело по жалобе прихожан на священника. Три года тянется дело о взаимных оскорблениях... Сто пятьдесят листов... на одно чтение понадобится часа три. А на днях эти же прихожане были у меня вместе со своим священником, любовно ходатайствовали об открытии у них школы. Про жалобы давным-давно и позабыли... А тут сиди и пиши резолюцию только потому, что на бумаге дело еще не окончено и лежит на очереди... Нет... Довольно. Предпримем что-либо другое...

...Швейцар, рослый и представительный

старик, приветливо раскланивавшийся с городскими отцами протоиереями и едва отвечавший величественным кивком головы на приветствия сельских батюшек, чтобы не уронить достоинства представляемого им архиерейского преддверия, узнав, что владыка изволит требовать его к себе, оправил мундир и предстал пред очи владыки, торжественно и важно сложив руки для принятия благословения.

— Здравствуйте, Петр Акимович... Так, кажется, вас зовут?

— Так точно, ваше преосвященство.

— Вот что, голубчик, вы бы где-нибудь приискали себе место — швейцара мне не надо.

Петр Акимович, польщенный сначала тем, что владыка обратился к нему на «вы» и назвал его по отчеству, побледнел и беспомощно опустил руки. Он совсем не ожидал такой беды. В голове у него промелькнула черная мысль: «Успели наклеузничать. Это непременно Антон, архиерейский кучер... больше некому. Он давно на меня зол, давно хочется ему самому попасть в швейцары».

— Ваше преосвященство, — дрожащим голосом и сразу потеряв всю свою величавость, проговорил швейцар, — за что такая немилость? Двадцать лет служу в швейцарах. Человек я одинокий. Все владыки были мною довольны... И вам готов служить верой и правдой. Злые люди наговорили вам на меня...

— Совсем не в этом дело, Петр Акимович. Не злые люди наговорили мне на вас, а Господь наш Иисус Христос сказал. Вот прочитайте Евангелие. Вы грамотный?

— Так точно, ваше преосвященство. Владыка раскрыл Евангелие и подал швейцару. «Большой из вас да будет вам слуга», — прочитал швейцар указанное владыкой место в Евангелии.

— Ну, а кто из нас больший: я или вы? Вот я и хочу быть сам слугой. Но только буду служить тому, кому надо. Вы кому служили? Гордости людской да пустому тщеславию. Пусть это будет у светских, а нам, служителям Христа, это не к лицу. Придет ко мне здоровый — он и сам сможет раздеться и одеться, а зайдет старый или больной, тому и я смогу помочь. А не будет у меня време-

ни, найдется кто-нибудь из монастырской братии, который во имя Христа возьмет на себя этот подвиг служения ближнему. Понимаете? Вот возьмите Евангелие, почитайте, пораздумайте, а потом придите ко мне и скажите, правильно ли я говорю. А это вот прибейте на дверях.

Смущенный спустился Петр Акимович по

лестнице, держа в руках Евангелие и небольшую карточку. На карточке было написано: «Владыка просит лиц, имеющих к нему дело, заходить без доклада. Принимает во всякое время»...

*Иеромонах Тихон (Барсуков),
из книги «Архиерей»*

Спасение души – это не прихоть и не игра

Все наши заботы о «хлебе насущном» должны быть ровно столькими, сколько необходимо для существования, а главной же целью и заботой нашей земной жизни должен стать поиск ответа на вопрос, как прожить богоугодно и как обрести спасение нашей бессмертной души. Все наше попечение о личной жизни должно сводиться к тому, как очистить свою грешную душу, как изменить ее сообразно воли Божией, и как избежать адских мучений.

Спасение собственной души – это не мимолетная прихоть или какая-то игра. Наша жизнь слишком скоротечна, чтобы играючи относиться ко своей бессмертной душе. Все мы смертны, и странники на этой земле, и совсем скоро для каждого из нас наступит последний час, когда мы предстанем пред Богом, давая ответ о прожитой жизни.

Бывает случается с человеком беда или искушение, а может печалится душа его, или испытывает он трудности финансового или материального порядка, или может быть недуг тяжкий одолевает его... Во всех этих жизненных трудностях он должен преклонить свои колени перед Богом и с сокрушением сердечным помолиться Ему, чтобы совершилась не его, а Божия воля над ним. Господь же, Чьим произволением и попустительством вошло в нашу жизнь искушение, непременно дарует человеку и способ или средство, чтобы пройти это испытание.

В какое бы искушение мы ни впали, если мы не преклоним наши колени пред Господом и если не будем слезно молить Его о заступничестве, оно не отступит от нас. В случае же, если мы в такой момент ведем себя по отношению к возникшим трудностям беспечно и леностно, искушения только усиливаются, становятся более угрожающими для души, и в конечном итоге совладать со грехом становится все тяжелее и болезненнее. Только искренние и горячие молитвы, добровольно произнесенные в сердечном сокрушении и омытые слезами покаяния, будут услышаны Богом. Потому что не бывает тому, чтобы Господь позволил погибнуть человеку истинно кающемуся и молящемуся. Все, что желает от нас Христос – это осознание и понимание своей глубокой грешности, познания самого себя, желания быть прощенным и искренней любви к Нему.

В моменты, когда мы чувствуем себя забытыми Богом, чтобы мы ни делали, наши души не могут обрести успокоения, все потому что материальные вещи чужды ей по определению и по существу. И наоборот, когда душа свыкается с жизнью по Богу, непрестанной молитве и в добродетельной жизни, она обретает Бога внутри себя.

Протоиерей Октавиан Мошин